

Тверской земли и безъ того уже выпало два татарскихъ разоренія одно за другимъ (Кавгадый при Михаилѣ въ 1317 г., Таянчаръ при Дмитріи въ 1321 г.). Народъ очень тяготился татарами и питалъ къ нимъ едва сдерживаемое озлобленіе. Въ 1327 г. въ Тверь явился посломъ двоюродный братъ хана, Шевкаль (Чоль-ханъ Дуденя). Онъ прогналъ самого великаго князя съ его двора и занялъ его со своею свитой, «воздвиге гоненіе великое надъ христианами насильствомъ, и грабленіемъ, и бленіемъ, и поруганіемъ». Среди ограбленнаго народа распространился неосновательный слухъ, что Шевкаль хочетъ убить князя, самъ занять его мѣсто и ввести магометанство. Достаточно было небольшой искры, чтобы вспыхнуло возстаніе. 15 августа діаконъ Дюдко повелъ кобылу на поило; татары стали отнимать ее у него; діаконъ закричалъ о помощи; разъяренный народъ бросился на татаръ и перебилъ всѣхъ вмѣстѣ съ Шевкаломъ, не пощадилъ даже купцовъ ордынскихъ. Необдуманнымъ увлеченіемъ тверичей воспользовался Иванъ Калита московскій, братъ убитаго Юрія. Онъ немедленно отправился въ Орду, пока А. не успѣлъ оправдаться передъ ханомъ. Разгнѣванный ханъ далъ Ивану 50 000 татарской рати для наказанія Твери. А. бѣжалъ въ Новгородъ, но не былъ принятъ тамъ изъ страха передъ татарами, и направился въ Псковъ. Псковичи, стремясь къ обособленію отъ Новгорода, съ радостью признали А. своимъ княземъ. Карамзинъ называетъ А. малодушнымъ за то, что онъ не умеръ въ славной битвѣ или не отдался въ руки татаръ, чтобы спасти подданныхъ отъ татарскаго погрома. Но бороться съ ратью татарскою, соединившеюся съ московскимъ и суздальскимъ ополченіемъ, одной разоренной Твери было бы безуміемъ; идти же на поклонъ къ хану, ожидая вѣрной смерти, А. не могъ, ибо Калита предупредилъ его; это было бы притомъ оскорбленіемъ народнаго чувства. Въ дошедшей до насъ народной исторической пѣснѣ «О Шелкавѣ Дуденьчевичѣ», народъ приписываетъ князьямъ дѣйствія, согласныя съ дѣйствіями народными. Князья «Борисовичи» первые начали избіеніе татаръ. «Одинъ (изъ нихъ) за волосы ухватилъ (Шевкала), а другой за ноги, и тутъ его разорвали. Тутъ смерть его случилася, ни на комъ не сыскалася». Исторія говоритъ, что смерть эта очень «сыскалася». Цѣлое полстолѣтіе Тверская область носила на себѣ слѣды погрома Ивана Калиты. Вернушіеся князья Константинъ и Василій Михайловичи «сѣдоша въ Твери въ величій нищеть и убожество»... Народъ въ своей пѣснѣ скрылъ ужасы разоренія, удовлетворяясь чувствомъ мести, приписывая это чувство и князьямъ. Калита, получивъ великое княженіе, въ 1329 г. пріѣхалъ въ Новгородъ и, въ исполненіе воли хана, потребовалъ къ себѣ А., чтобы представить его въ Орду. Новгородскій владыка Моисей отъ имени всѣхъ князей убѣждалъ А. поѣхать въ Орду добровольно, дабы «не давать христианъ на погибель поганымъ». А. отвѣчалъ: «Точно, мнѣ слѣдуетъ съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ страдать и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ; но и вамъ (князьямъ) не дурно было бы другъ за друга и братъ за брата стоять, а татарамъ не выдавать и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, защищать русскую землю и православное христіанство. Вы же сопротивное творите и татаръ наводите на христианъ и братью свою предаете татарамъ». Однако, желая спасти русскую землю отъ дальнѣйшаго разоренія, А. соглашался ѣхать въ Орду, но псковичи не отпустили его. Митрополитъ Теоноста, въ угоду Калитѣ, отлучилъ ихъ отъ церкви и предалъ проклятію. А., не желая, чтобы псковичи страдали изъ-за него, уѣхалъ въ Литву. Псковъ добровольно подчинился требованіямъ Москвы; митрополитъ снялъ съ него проклятіе и отлученіе. Калита донесъ хану,

что врагъ бѣжалъ. Проживъ 1½ года въ Литвѣ, А. снова былъ принятъ псковичами на княженіе, подъ покровительствомъ литовскаго князя Гедимина. Но А. жалъ стало дѣтей своихъ и потомковъ, которые должны были лишиться княжеской власти. Въ 1335 г. онъ послалъ сына Теодора въ Орду узнать, есть ли надежда на прощеніе. Въ 1337 г., получивъ благоприятный отвѣтъ, онъ, съ благословенія митрополита Теоноста, отправился на поклонъ къ хану и сказалъ ему: «Я сдѣлалъ много зла тебѣ, но теперъ пришелъ къ тебѣ принять отъ тебя либо жизнь, либо смерть, что Богъ на душу тебѣ положить». Узбекъ былъ доволенъ такимъ смиреніемъ А. и возвратилъ ему Тверь. Возвращеніе А. было ударомъ для Калиты, ибо грозило новою борьбою за великое княженіе. Можетъ-быть, Узбекъ поэтому и далъ Тверь А., что хотѣлъ держать въ страхѣ Калиту: Тверь, несмотря на свой упадокъ, была тогда единственною соперницей Москвы. Побѣда осталась на сторонѣ Москвы и, судя по лѣтописямъ, даже нравственная побѣда. А. оказался виновнымъ лишь потому, что его соперникъ Калита былъ человекомъ богатымъ, коварнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ. Ловкости и изворотливости не было у тверскихъ князей, и они въ борьбѣ за первенство проиграли, поплатившись жизнью. А., пріѣхавъ въ Тверь послѣ 10-лѣтняго изгнанія, сразу не поладилъ съ московскимъ княземъ, ибо не захотѣлъ подчиниться ему. Калита поѣхалъ въ Орду и тамъ добился того, что ханъ вызвалъ къ себѣ А. и приказалъ убить его, вмѣстѣ съ сыномъ, Теодоромъ, 29 октября 1339 г. Тѣла князей были привезены въ Тверь, гдѣ и погребены въ Спасскомъ соборѣ. Тверь осталась за Константиномъ Михайловичемъ.—См. Борзиковскій, «Исторія Тверскаго княжества».

Т. Сухаревъ.

Александръ Ярославичъ Невскій, Св., второй сынъ великаго князя Ярослава Всеволодовича. Род. 30 мая 1220 г., ум. 14 ноября 1263 г. Въ 1228 г. вмѣстѣ со старшимъ братомъ Теодоромъ былъ оставленъ отцомъ въ Новгородѣ, но по случаю волнений княжичи въ томъ же году принуждены были уйти къ отцу. Съ 1230 г. великому князю Ярославу удалось снова оставить Новгородъ за Теодоромъ и А. Первый въ 1233 г. умеръ, а Ярославъ въ 1236 г. уѣхалъ княжить въ Кіевъ. Съ этого времени начинается самостоятельность А. Это совпало съ появленіемъ на Руси татаръ. По причинѣ озеръ и болотъ татары не дошли до Новгорода, но нельзя было поручиться за его свободу въ будущемъ. Передъ молодымъ княземъ возникала и другая болѣе близкая и болѣе серьезная опасность со стороны шведовъ, ливонцевъ и Литвы. Борьба съ ливонцами и со шведами являлась, вмѣстѣ съ тѣмъ, борьбой православнаго Востока съ католическимъ Западомъ. Въ 1237 г. разрозненные силы ливонцевъ — тевтонскаго ордена и меченосцевъ — объединились противъ русскихъ. А., сыгравъ въ 1239 г. свою свадьбу съ Александрой, дочерью Брячислава полоцкаго, приступилъ къ укрѣпленію западной границы своей области по рѣкѣ Шелони. Въ слѣдующемъ году нѣмцы напали на Псковскую область, а шведы, побуждаемые папой, двинулись на Новгородъ подъ предводительствомъ самого правителя страны, королевскаго зятя Биргера. Увѣренный въ побѣдѣ, Биргеръ прислалъ А. объявленіе войны, гордое и надменное: «Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою». Новгородъ былъ предоставленъ самому себѣ. Разгромленная татарами Русь не могла оказать ему никакой поддержки. Съ небольшою, сравнительно, дружиною новгородцевъ и ладожанъ А. ночью 15 іюля врасплохъ напалъ на шведовъ, когда они при устьѣ Ижоры, на Невѣ, остановились лагеремъ для отдыха, и нанесъ имъ полное пораженіе. Сражаясь самъ въ первыхъ рядахъ, А. «невѣрному

кравлю ихъ (Биргеру) возложилъ остріемъ меча печать на челѣ». Побѣда эта дала ему прозваніе Невскаго и сразу въ глазахъ современниковъ поставила на пьедесталъ великой славы. Впечатлѣніе отъ побѣды было тѣмъ сильнѣе, что она произошла въ тяжелую годину невзгодъ въ остальной Руси. Въ глазахъ народа на А. и Новгородской землѣ проявлялась особая благодать Божія. Авторъ лѣтописнаго сказанія о житіи и подвигахъ А. отмѣчаетъ, что въ эту битву «обрѣтоша много множество избѣженныхъ (враговъ) отъ ангела Господня». Появилось сказаніе о явленіи Пелгусію князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, шедшихъ на помощь своему «сроднику Александру». Высокій, стройный и красивый, съ громкимъ голосомъ, молодой герой становился обаятельнымъ. Тѣмъ не менѣе, новгородцы, всегда ревнивые къ своимъ вольностямъ, въ томъ же году успѣли разсориться съ А., и онъ удалился къ отцу, который далъ ему Переяславль Залѣвскій. Между тѣмъ на Новгородъ надвигались ливонскіе нѣмцы, чѣмъ и литва. Они повоевали и обложили данью вожагъ, построили крѣпость въ Копорѣ, взяли городъ Тесовъ, разграбили земли по р. Лугѣ и стали грабить новгородскихъ купцовъ въ 30 верстахъ отъ Новгорода. Новгородцы обратились къ Ярославу за княземъ; онъ далъ имъ второго своего сына, Андрея. Это не удовлетворило ихъ. Они отправили второе посольство просить А. Въ 1241 г. А. явился въ Новгородъ и очистилъ его область отъ враговъ, а въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Андреемъ двинулся на помощь Пскову, гдѣ сидѣли нѣмецкіе намѣстники. Псковъ былъ освобожденъ, и А. направился въ Чудскую землю, во владѣнія ордена. Рѣшительная битва произошла на Чудскомъ озерѣ 5 апрѣля 1242 г. Битва эта извѣстна подъ именемъ Ледового побоища. Русскіе 7 верстъ гнали нѣмцевъ по льду; 400—500 рыцарей пало и до 50 взято въ плѣнъ. Магистръ ордена боялся похода А. на Ригу и обратился за помощью къ датскому королю. Но А. нужно было покончить еще съ набѣгами Литвы. Цѣлымъ рядомъ побѣдъ въ 1242 и 1245 гг. онъ, по сказанію лѣтописца, такой страхъ нагналъ на литовцевъ, что они стали «блостися имени его». Шестилѣтняя побѣдоносная защита А. сѣверной Руси привела къ тому, что нѣмцы, по мирному договору, отказались отъ всѣхъ недавнихъ завоеваній и уступили А. часть Летголіи. Есть извѣстіе, что папа Иннокентій IV въ 1251 г. прислалъ къ А. двухъ кардиналовъ съ буллою, написанной въ 1248 г. Папа, обѣщая помощь ливонцевъ въ борьбѣ съ татарами, убѣждалъ А. пойти по примѣру отца, согласившагося будто бы подчиниться римскому престолу. По разсказу лѣтописца, А., посоветовавшись съ мудрыми людьми, изложилъ всю священную исторію и въ заключеніе сказалъ: «си вся свѣдаемъ добръ, а отъ васъ ученія не принимаемъ». Шведы въ 1256 г. попытались было отнять у Новгорода финское побережье, приступивъ къ постройкѣ крѣпости на р. Наровѣ, но при одномъ слухѣ о приближеніи А. съ суздальскими и новгородскими полками убѣжали обратно. Чтобы еще болѣе устрашить ихъ, А., несмотря на чрезвычайныя трудности зимняго похода, проникъ въ Финляндію и повоевалъ поморье. Совсѣмъ другимъ оказался А. по отношенію къ татарамъ: при тогдашней малочисленности и разрозненности русскаго населенія въ восточныхъ земляхъ нельзя было и думать объ освобожденіи изъ-подъ ихъ власти. Оставалось положиться на великодушіе побѣдителей. Татары, безжалостно истреблявшіе все сопротивлявшееся, были снисходительны и великодушны къ покорнымъ. А. понялъ это и рѣшилъ ладить съ ними, во что бы то ни стало. Похоронивъ отца (1246), онъ, по требованію Батгя, въ первый разъ поѣхалъ поклониться хану (1247). Батгй отправилъ его, вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ, ранѣе прибывшимъ въ

Орду, къ великому хану въ Монголію. Два года потребовалось имъ на это путешествіе. Въ ихъ отсутствіе братъ ихъ, Михаилъ Хоробритъ Московскій отнялъ у дяди Святослава Всеволодовича владимірское великое княженіе (1248), но въ томъ же году погибъ въ походѣ на Литву. По устраненіи Святослава Александръ и Андрей явились старѣйшими въ родѣ, кромѣ Владиміра углицкаго, умершаго въ 1249 г. Будучи сильнѣе Владиміра, Ярославичи могли соперничать только другъ съ другомъ. И лѣтописецъ отмѣчаетъ, что у нихъ была «пря велія о великомъ княженіи». Ханъ княжествомъ владимірскимъ пожаловалъ Андрея, а А. далъ Кіевъ и Новгородъ (1249). Кіевъ послѣ татарскаго разоренія потерялъ всякое значеніе; поэтому А. поселился въ Новгородѣ. Онъ понималъ, что покорность завоевателю можетъ доставить такія выгоды князьямъ, какихъ они не имѣли прежде. Татарамъ легче и удобнѣе было вести дѣло съ покорными князьями, чѣмъ съ многочисленнымъ и непостояннымъ вѣчемъ. Въ ихъ интересахъ было усилить княжескую власть, въ особенности власть великаго князя. А это необходимо было для укрѣпленія раздираемой усобицами Руси. Андрей, по своему характеру, не способенъ былъ къ такой роли (см. Андрей Ярославичъ). Въ 1252 г. противъ Андрея были двинуты татарскія полчища подъ предводительствомъ царевича Неврюя. Андрей, въ союзъ съ братомъ, Ярославомъ Тверскимъ, сразился съ татарами, но былъ разбитъ и черезъ Новгородъ бѣжалъ въ Швецію. Это была первая попытка открытаго противодѣйствія татарамъ въ сѣверной Руси и первое ополченіе татаръ, приведенное на русскую землю по личнымъ побужденіямъ русскаго князя. Есть извѣстіе, что нашествіе Неврюя было дѣломъ А., ѣздившаго въ 1252 г. въ орду и будто бы говорившаго тамъ, что Андрей «выходы и тамгы платитъ не сполна» (Бѣляевъ обвиняетъ въ этомъ Святослава Всеволодовича, ѣздившаго въ Орду въ 1250 г.). Послѣ бѣгства Андрея великое княженіе владимірское, по волѣ хана, перешло къ А. Чувствуя свое ничѣмъ не оспариваемое старѣйшинство и силу, имѣя поддержку въ Ордѣ, А. проявилъ себя княземъ самовластнымъ и жестокимъ. Въ 1255 г. новгородцы изгнали отъ себя его сына Василя и призвали Ярослава Тверскаго. А. силою заставилъ ихъ снова принять Василя и неугоднаго ему посадника Аванія, поборника новгородской вольности, замѣнить услужливымъ Михалкой Степановичемъ. Въ 1257 г. въ Новгородѣ произошли волненія вслѣдствіе требованія ханомъ поголовной переписи и дани съ непокоренной имъ Новгородской земли, какъ съ земель покоренныхъ—Суздальской, Муромской и Рязанской. Большіе люди, съ посадникомъ Михалкой, уговаривали новгородцевъ покориться волѣ хана, но меньшіе и слышать о томъ не хотѣли. Михалко былъ убитъ. Князь Василю, раздѣляя чувства меньшихъ, но не желая ссориться съ отцомъ, ушелъ въ Псковъ. Въ Новгородѣ явился самъ А. съ татарскими послами, выгналъ сына въ Суздальскую землю, бояръ, стоявшихъ за одно съ меньшими, схватилъ и наказалъ—инымъ обрѣзалъ носы, другимъ выкололъ глаза и т. п. и посадилъ княземъ къ нимъ второго своего сына Дмитрія. Въ 1258 г. онъ ѣздивъ въ Орду «читать» ханскаго намѣстника Улавчія, а въ 1259 г., угрожая татарскимъ погромомъ, добился отъ новгородцевъ согласія на перепись населенія и на поголовную дань. Своєю покорностью А. спасъ русскую землю отъ разгрома даже и тогда, когда въ 1262 г. во Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Переяславль, Ярославль и др. городахъ были перебиты татарскіе откупщики дани. Полки татарскіе уже готовы были двинуться на Русь, но А. явился къ хану, отвратилъ бѣду и добился даже льготы русскимъ по доставкѣ для татаръ военныхъ отрядовъ. Проживъ въ Ордѣ въ эту послѣднюю, чет-

вертую свою поѣздки зиму и лѣто, онъ заболѣлъ и на возвратномъ пути слегъ. Принявъ схиму подъ именемъ Алексія, онъ 14 ноября 1263 г. скончался въ Городцѣ волжскомъ. Митрополитъ Кириллъ возвѣстилъ народу во Владимірѣ о его смерти словами: «Чада моя милая, разумѣйте, яко заиде солнце Русской земли», и всѣ съ плачемъ воскликнули: «уже погибаетъ». Помня заслуги А., народъ забылъ его обиды и несправедливости въ отдельныхъ случаяхъ. «Соблюденіе Русской земли—говоритъ Соловьевъ—отъ бѣды на востокъ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западъ доставили А. славную память на Руси и сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицомъ въ древней исторіи отъ Мономаха до Донского». А. сдѣлался любимымъ княземъ духовенства. Въ дошедшемъ до насъ лѣтописномъ сказаніи о подвигахъ его говорится, что онъ «Богомъ роженъ». Побѣждая вездѣ, онъ нигдѣ не былъ побѣжденъ. Рыцарь, пришедшій съ запада посмотрѣть А., рассказывалъ, что онъ прошелъ много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого «ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя». Такой же отзывъ будто бы далъ о немъ и самъ ханъ татарскій, а женщины татарскія его именемъ пугали дѣтей. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Въ 1380 г. во Владимірѣ открыты его мощи, которыя въ 1724 г., по повелѣнію Петра Великаго, перенесены въ С.-Петербургъ въ Александро-Невскую лавру, гдѣ почиваютъ и нынѣ въ Лаврскомъ соборѣ, въ серебряной ракѣ, пожертвованной императрицею Елизаветой Петровной.—См. Костомаровъ, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ», т. I; Бѣляевъ, «Временникъ Московскаго общества ист. древностей», кн. 4. Т. Сухаревъ.

Александръ I, императоръ всеороссійскій, старшій сынъ императора Павла Петровича и Маріи Феодоровны, род. 12 декабря 1777 г. Радостно встрѣчена была народомъ вѣсть о рожденіи первенца у наслѣдника престола: прямое престолонаслѣдіе, казалось, обезпечивалось надолго, и тревожившія Россію смуты должны были прекратиться. Имя свое А. получилъ въ честь св. Александра Невскаго, патрона Петербурга. Воспріемникомъ при крещеніи его были императоръ Іосифъ II и король прусскій Фридрихъ II: Россія, Австрія и Пруссія соединились у колыбели творца Священнаго союза. Поэты того времени—Майковъ, Петровъ, Державинъ—привѣтствовали торжественными одами рожденіе будущаго повелителя Россіи. Болѣе всѣхъ обрадована была рожденіемъ А. Екатерина II, всю силу материнскаго чувства отдавшая любимому внуку-первенцу. Рожденіе А. не внесло, однако, мира въ царскую семью, а, напротивъ, увеличило рознь между матерью, съ одной стороны, сыномъ и невѣсткою—съ другой. Екатерина рѣшилась сама воспитывать внука. Черезъ полтора года (въ апрѣлѣ 1779) родился у Павла Петровича и Маріи Феодоровны второй сынъ—Константинъ,—постоянный товарищъ А., съ которымъ вмѣстѣ онъ росъ и воспитывался. Въ дѣло воспитанія внуковъ Екатерина вложила много ума, сердца и любви: она дала русскому обществу наглядный курсъ педагогики и школьной гигиены, написала для внуковъ «Бабушкину азбуку», немало рассказовъ-басенъ (о Февеѣ, Хлорѣ), «Записки, касающіяся русской исторіи». Позже она привлекла къ этому дѣлу лучшія научныя и педагогическія силы тогдашней Россіи: академика Палласа—по естественной исторіи, Эпинуса—по математикѣ; труды ихъ составили два тома ручной бібліотеки, такъ называемой Александро-Константиновской. Говорить и писать объ А. стало потребностью Екатерины, ея наслажденіемъ. Судя по ея письмамъ, А. былъ исключительнымъ, гениальнымъ ребенкомъ: на четвертомъ году онъ уже читаетъ, пишетъ, рисуетъ; въ полчаса узнаетъ изъ географіи по глобусу отъ бабушки

столько, сколько учитель Екатерины сумѣлъ преподавать ей въ нѣсколько лѣтъ; онъ знаетъ нѣмецкій, французскій и англійскій языки; на пятомъ году овладѣлъ многими ремеслами и обнаруживалъ удивительную склонность къ чтенію; на седьмомъ—онъ уже съ успѣхомъ разыгрывалъ сцены изъ Екатерининской комедіи «Обманщикъ». Екатерина сильно увлекалась и несомнѣнно спѣшила съ образованіемъ внука, такъ какъ ей не терпѣлось видѣть его взрослымъ и развитымъ. Почти съ самаго начала ребенокъ получалъ умственную пищу не по лѣтамъ своимъ; одаренный очень тонкой душевной организаціей, ребенокъ улавливалъ незримыми путями желанія бабки и прилагалъ всѣ старанія казаться такимъ, какимъ хотѣла видѣть его императрица. Письма А. къ Екатеринѣ, писанныя имъ на седьмомъ году, то неграмотно на русскомъ, то хорошо на французскомъ языкѣ, обнаруживаютъ уже природу не-дѣтскую, даже льстивую: онъ всегда цѣлуетъ ручки и ножки бабушки; онъ умѣетъ шепнуть, кому слѣдуетъ, что высшее его желаніе походить на бабушку какъ можно больше. И это не удивительно: съ того времени, какъ А. сталъ понимать,—а понимать онъ сталъ рано и чутко,—онъ видѣлъ рѣзкую разницу между бабкою и отцомъ и долженъ былъ нравиться той и другому. Физическое его развитіе шло очень хорошо: его англичанка-няня (Гесслеръ) привила ему много хорошихъ, здоровыхъ англійскихъ привычекъ, закалила его тѣло и незамѣтно выучила его англійскому языку. Ему не исполнилось еще шести лѣтъ, когда Екатерина передала его и его брата въ мужскія руки (Н. И. Салтыковъ, А. Я. Протасовъ, Лагарпъ и др.). Поставленный судьбою между отцомъ и бабкою, любимый до-нельзя послѣднею, но никогда къ ней не чувствовавшій особаго расположенія, нѣсколько отталкиваемый суровымъ отцомъ, который съ своего 30-лѣтія (т.-е. около 1784 г.) сталъ чрезвычайно раздражителенъ и мраченъ, А. въ Лагарпѣ, приставленномъ къ нему съ 1786 г., нашелъ не только любящаго воспитателя-учителя, но и вѣрнаго друга. Главная заслуга Лагарпа въ томъ, что онъ привязалъ къ себѣ воспитаника и сумѣлъ наполнить до извѣстной степени его жизнь до женитьбы; изъ мягкой природы А. Лагарпъ вылѣпилъ тотъ нравственный образъ, который ему хотѣлось, и А. долго, почти до 35 лѣтъ, оставался такимъ, каковымъ сдѣлалъ его Лагарпъ. Какъ представитель либеральнаго, пожалуй, даже республиканскаго направленія, Лагарпъ ввѣдрилъ въ А. начала правды и справедливости и глубокое уваженіе къ человѣческому достоинству. Едва ли было бы справедливо полагать, что попытки сдѣлать изъ А. Марка Аврелія были излишни въ той обстановкѣ, въ которой врастался А.: въ ней не мало нашлось бы людей, которые постарались бы сдѣлать изъ него Тиверія или Чингис-хана. При дворѣ старѣющейся Екатерины времени Зубовыхъ, при дворѣ Павла, не выносившаго противорѣчій, преслѣдовавшаго всѣхъ рѣшавшихся «умничать», честная, нѣсколько идеальная личность Лагарпа и его либеральныя теоріи были хорошимъ противовѣдемъ. Часто говорятъ, что идеи, внушенныя Лагарпомъ, были не національными; но другія лица (сама Екатерина, Салтыковъ, Протасовъ, Муравьевъ, Самборскій и пр.) могли бы пробудить и развиты національныя чувства въ А. Если Лагарпъ въ отношеніи А. оказалъ сильнѣе всѣхъ перечисленныхъ лицъ, вмѣстѣ взятыхъ, то въ этомъ виновать не Лагарпъ. А. притомъ совсѣмъ не былъ такимъ космополитомъ, каковымъ его иногда представляютъ. Онъ воспитанъ былъ такъ, какъ и другіе люди его поколѣнія, принадлежавшіе къ верхамъ русскаго общества и къ богатому дворянству; на французской литературѣ, наукѣ, искусствѣ можно было воспитывать; на русской, которая тогда